

ДЕТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА (IV–II вв. до н.э.)¹

Н.А. Берсенева, А.Х. Гильмитдинова

Статья посвящена детским погребениям ранних кочевников Южного Урала (IV–II вв. до н.э.). Предложенное исследование показало принципиальную возможность изучения социализации детей по археологическим данным. Абсолютное большинство захоронений детей до 5 лет являются гендерно-нейтральными в терминах погребального инвентаря. Процесс вовлечения детей в виды деятельности, требующие применения оружия, крайне скудно отражен в погребальном источнике. Гендерная социализация, вероятно, начиналась в возрасте 3–5 лет. Судя по всему, этот процесс завершался к 15–18 годам формированием взрослого индивида.

Ранний железный век, Южный Урал, детские погребения, социализация детей.

Погребения детей все чаще становятся предметом научного анализа в археологии. Очевидно, что палеосоциальные реконструкции не могут быть признаны адекватными без включения в них такой крупной социальной группы, как дети. Детство — это стадия, которую переживает каждый член человеческого коллектива, и в древности для многих индивидов она была единственной. Само выживание социума в конечном счете зависело от рождения и социализации детей, передачи им хозяйственных и культурных норм. Категория индивидов возрастом до 15 лет численно заметно превалировала в древности над другими возрастными группами. Древние сообщества, в отличие от современных, были достаточно «молодыми». Следовательно, и значительная часть повседневной деятельности была возложена на тех, кого мы сегодня привыкли считать детьми. Доказательства этому легко найти среди этнографических материалов, археологи также успешно работают в указанном направлении [Kamp, 2001; Bagwell, 2002; Куприянова, 2008; Берсенева, 2010б; Епимахов и др., 2012; и т.д.]. По многим археологическим культурам имеется достаточная база для исследования. Методы и теоретические подходы к анализу детских погребений хорошо разработаны в современной западно-европейской и американской археологии [Scott, 1999; Baxter, 2005; Lucy, 2005; Crawford and Lewis, 2008].

С археологической точки зрения при изучении детей как социальной категории существует ряд проблем, среди которых главной является частая недопредставленность детей в погребальных контекстах и их «невидимость» в поселенческих материалах. Несмотря на то что дети, вероятно, были включены в хозяйственную деятельность сообщества с максимально раннего возраста, они не были основными производителями в экономической сфере, равно как и главными действующими лицами в обрядовых, военных, обменных и прочих мероприятиях.

Целью настоящей работы является рассмотрение возможностей социальной интерпретации детства среди кочевого населения Южного Урала в эпоху раннего железа на основе археологических источников. Интересно попытаться проследить этапы возрастной и гендерной социализации, стадии приобщения детей к хозяйственной и военной деятельности и в целом по возможности прояснить отношение исследуемого общества к детям.

Гендерной социализацией называют «процесс усвоения индивидом культурной системы гендера того общества, в котором он живет»². Во всех обществах мальчиков и девочек социализируют по-разному. Иногда дифференциальная социализация начинается прямо от рождения, как во многих современных обществах, иногда, как известно из этнографии и истории, — несколько позже [Байбурин, 1991; Бочаров, 2001]. Усваиваются прежде всего коллективные, общезначимые нормы, так называемые *гендерные стереотипы*, которые представляет собой устоявшееся мнение о личностных качествах групп людей. Гендерные стереотипы приписывают им различные типы поведения, качества и интересы в соответствии с биологическим полом.

¹ Работа выполнена в рамках интеграционного проекта УрО РАН и СО РАН «Культура, социум и человек в эпоху палеометалла (Урал и Западная Сибирь)».

² Выделяются две фазы гендерной социализации: адаптивная (внешнее приспособление к существующим гендерным отношениям, нормам и ролям); интериоризации (сущностное усвоение мужских и женских ролей, гендерных отношений и ценностей) [Словарь гендерных терминов, 2002].

Детские погребения ранних кочевников Южного Урала (IV–II вв. до н.э.)

Это означает, что у каждого члена сообщества есть представления о том, что мужчинам и женщинам свойственны определенные наборы конкретных качеств и моделей поведения, и о том, какое именно поведение считается правильным для представителя той или иной гендерной категории [Берн, 2007, с. 21–22].

Гендерная социализация является одним из важнейших направлений социальной адаптации, с которой прямо связаны получение и обработка информации об окружающей социальной среде. Гендерная и возрастная социализации неразрывно связаны, поскольку ребенок не просто вырастает во взрослого, но воспитывается в рамках определенных гендерных стереотипов и норм. Этапы гендерной/возрастной социализации могут сопровождаться изменениями внешнего облика индивида — от одежды и прически до разрешения использования и/или ношения определенных предметов — украшений, оружия, аксессуаров. Археологически существование таких материальных маркеров гендера и/или возраста может быть выявлено исследованием остатков погребальных ритуалов.

Материалы могильников, по нашему мнению, могут содержать информацию об этапах социализации детей, в первую очередь возрастной (процесс становления ребенка полноправным взрослым) и гендерной (процесс включения его в гендерные категории мужчин и женщин). Социализация, связанная с вовлечением ребенка в экономическую/военную деятельность, также может быть исследована, при условии что она нашла материальное отражение в археологическом памятнике. С другой стороны, нельзя забывать, что, ограниченная лишь погребальными источниками, археология обычно видит детей только как объекты действий со стороны взрослых и наблюдает материальные остатки ритуалов, которые выполнялись взрослыми для их умерших детей.

Но даже с учетом того факта, что облик детского захоронения, несомненно, формируется взрослыми, оно может содержать информацию, позволяющую судить о принципах социализации, так как этот процесс также происходит под влиянием взрослых. Кроме того, детские останки сами по себе являются источником, и их антропологическое исследование может послужить независимым свидетельством отношения общества к детям.

Неясен вопрос верхней границы «детства», связанный не только с точностью определения возраста, но и с социальными коннотациями, специфичными для каждого общества и нам совершенно неизвестными. Нет ясности относительно категории «подростки», ранее часто встречавшейся в литературе. Сейчас очевидно, что это недавнее понятие, перенесенное современными исследователями на древность. Социальной группы «подростков» в нашем понимании, подразумевающей долгий переходный период от детства к полной взрослости, в традиционных обществах, вероятнее всего, не существовало. Но биологический «переходный период» полового и социального созревания присутствовал, безусловно, и в то время, как и соответствующая ему возрастная группа, как бы мы ее не называли. Термины, как нам представляется, не следует абсолютизировать, при условии разъяснения, что под ними понимается³.

В отечественных палеосоциальных исследованиях за основу берутся довольно дробные разбивки на возрастные группы [Матвеева, 2005, с. 141; Дашковский, Тишкин, 2005, с. 83–84; Алексеев, Дебец, 1964, с. 39]. Но часто точность определения возраста скелетных останков не позволяет идти этим путем. Поэтому в нашей работе мы опирались на самое простое трехчастное деление жизненного цикла, принятое в демографии: «не-взрослые», или «дети» (до 15 лет), «взрослые» и «старшие взрослые» (после 45–50 лет) [Chamberlain, 2006, p. 16]. Таким образом, в категорию *дети* были включены все индивиды, чей возраст смерти не превышал 15 лет. Эта группа характеризуется физической и социальной незрелостью, зависима от взрослых; ей присущ самый высокий уровень смертности среди всех возрастных классов [ibid., p. 16–17]. Чтобы попытаться проследить процесс взросления с максимально возможной корректностью, мы ввели также дополнительную возрастную группу — «подростки», объединяющую индивидов, умерших в возрасте от 15 до 18 лет.

Детские погребения ранних кочевников Южного Урала никогда ранее специально не изучались. Предложенная работа базируется на опубликованных данных могильников, где возраст

³ Термины, по мнению Я. Ходдера, должны быть условными стартовыми точками, всегда открытыми для переоценки. Они являются лишь словами, значение которых во многом зависит от особенностей данного языка и культуры в целом. За некоторыми определениями стоит фактически только создаваемая концепция (на «нашем» языке), которая всего лишь помогает *начать* понимать древние социальные связи и конструкции, отличные от «наших» собственных [Hodder, 1997, p. 77].

останков был определен антропологами. Для анализа были отобраны погребения раннесарматского времени (IV–II вв. до н.э). Базой исследования послужили материалы 24 курганных могильников (более 350 погребений). Из них 92 скелета из 85 могильных ям принадлежали индивидуам до 15 лет (возраст смерти в годах определен для 56) и 19 — индивидуам от 15 до 18 лет (17 могильных ям, возраст определен для 10 умерших). Нужно отметить, что в ряде публикаций, несмотря на то что материал обрабатывался антропологами, точный возраст некоторых погребенных детей не приводится. В целях максимального привлечения материала в оговоренных случаях в выборки включались погребения без антропологической идентификации, определенные автором раскопок как «детские», если этому не противоречили размеры ямы и рисунок погребения [Пшеничнюк, 1983]. Это допущение было сделано лишь в отношении маленьких детей, поскольку так называемых подростков отличить от взрослых без профессиональной идентификации невозможно.

Детские погребения (0–15 лет)

Детские погребения, как правило, локализуются на периферии подкурганного пространства. Большинство детей были захоронены в индивидуальных могильных ямах. Двойные погребения (ребенка вместе с взрослым) достаточно редки — всего пять случаев: два — с женщинами, три — с мужчинами. Кроме того, в пяти крупных коллективных погребениях (где было захоронено более трех покойных) среди взрослых останков были встречены детские. Парных детских захоронений всего три, тройных нет.

Прохоровские детские погребения характеризуются сравнительным разнообразием типов погребальных конструкций. Типологически могильные ямы делятся на катакомбы (10 случаев), подбойные (27) и простые (48) ямы (рис. 1).

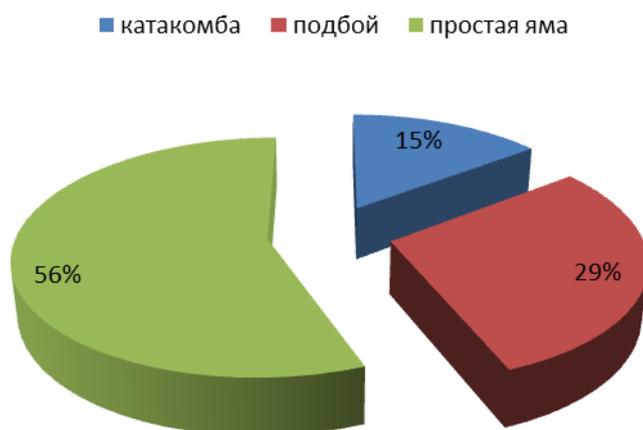

Рис. 1. Типы могильных ям

Таким образом, довольно значительное количество детей погребалось в раннесарматское время в могильных ямах сложной конструкции и большой глубины: 37 могил устроены в подбоях и катакомбах (44 %), что достаточно много, так как для взрослых этот процент составляет примерно 47,1 %. Остальные умершие дети были захоронены в простых ямах.

Пятая часть детских могил (20 %) достоверно не содержала сохранившегося погребального инвентаря. Судя по тому, что взрослых погребений без инвентаря всего 3 %, снабжение детей сопроводительными предметами было, видимо, менее обязательно. В 25,6 % детских могил найдены *только* посуда и кости животных.

Керамическая посуда зафиксирована в 47 детских погребениях (более 50 % от всех могильных ям). Кроме лепных сосудов, коллекция содержит семь гончарных экземпляров и одну деревянную чашу. Форма разнообразна: круглодонные, плоскодонные горшки, фляги и кувшины. Максимум в детском погребении было встречено четыре сосуда.

Сопроводительная пища представлена частями туш мелкого рогатого скота (28 случаев), единожды были обнаружены кости лошади и коровы.

Детские погребения ранних кочевников Южного Урала (IV–II вв. до н.э.)

Не считая посуды, наиболее частой находкой в детских погребениях являются украшения, преимущественно это бусины (выявлены в 29 погребениях), которые сопровождали детей всех возрастов. В двух случаях найдены железные перстни. Браслеты представлены двумя бронзовыми и двумя золотыми изделиями. Бронзовые зеркала обнаружены в четырех погребениях. Находки золотых колечек, подвесок, бляшек и пронизей значительных серий не составляют.

Предметы вооружения редко встречаются в детских погребениях. Оружие было найдено в 10 детских захоронениях (9,2 %), предметы упряжи не обнаружены. Оружие представлено кинжалами, наконечниками стрел и мечами. Мечами сопровождался два индивида возрастом до 15 лет. В одном случае меч найден рядом с ребенком 12 лет [Курганы ..., 1995, с. 11], в другом — с ребенком 5–7 лет, правда, не совсем ясно, кому принадлежал инвентарь: ребенку или погребенной рядом женщине [Железчиков и др., 2006, с. 13]. Железные кинжалы также обнаружены в двух случаях: один сопровождал умершего 12 лет, которому также был положен колчан с 40 стрелами [Курганы..., 1995, с. 34], другой — ребенка 5–7 лет [Железчиков и др., 2006, с. 29]. Наконечники стрел найдены в шести погребениях, включая упомянутое выше. Среди них — два колчанного набора, остальные представляют собой единичные экземпляры — от трех до семи штук.

Из предметов быта хорошо представлены железные ножи и пряслица. Все ножи однолезвийные, небольших размеров. Всего их насчитывается восемь экземпляров. Пряслица найдены в четырех погребениях. Остальные артефакты из детских погребений представлены единичными экземплярами: костяные ложечки (три случая), куски мела, речные гальки, камешки, кристаллы горного хрусталя и т.д.

Погребения «подростков» (15–18 лет)

Как уже упоминалось выше, эта выборка скромна по размерам (17 могильных ям). Лишь в пяти случаях оказалось возможным установить пол умерших. Всего идентифицированы четыре женщины и один мужчина.

Индивиду этой возрастной группы хоронились как в индивидуальных, так и в парных и коллективных могильных ямах. Трое из них входят в состав крупных коллективных усыпальниц, восемь захоронены в парных: с индивидами того же возраста, с младшими детьми или со взрослыми. Что касается типов могильных ям, то известно лишь одно индивидуальное погребение подростка в катакомбе. Подбойных захоронений шесть, из них три парных. Остальные умершие погребены в простых ямах. Таким образом, для 38 % лиц этого возраста были устроены могильные ямы усложненной конструкции.

Среди этой возрастной группы зафиксированы три безынвентарных погребения. Два погребения содержали только кости животных и посуду (10,5 %).

Керамическая посуда (вся лепная) была обнаружена в восьми ямах, везде по одному сосуду (42 %). Кости животных (только мелкого рогатого скота) найдены в подавляющем большинстве погребений — в 14 (73,7 %).

Вещевой инвентарь не слишком разнообразен. Наиболее распространенными остаются украшения из бус — семь погребений (36,8 %). В одном из них (Покровка 8) было собрано не менее 500 бусин и обнаружены две серьги, бронзовая подвеска и височное кольцо. Пол умершего 16–17 лет определен как женский.

Предметы вооружения зафиксированы лишь в четырех погребениях. В двух случаях они представлены одним-двумя наконечниками стрел. Кроме того, в одной могильной яме расчищен кинжал (Лебедевка 7) [Железчиков и др., 2006, с. 29], еще в одной — кинжал, наконечники стрел (30 штук), удила и псалий (Шумаевский II могильник) [Моргунова и др., 2003, с. 136].

Железные ножи найдены в семи погребениях, пряслица — в трех. Остальные артефакты единичны: зеркало, костяной гребень, каменный жертвенник.

Гендерный анализ (дети до 15 лет)

Какие предметы из состава сопроводительного инвентаря детских погребений можно считать маркерами гендера?

Анализ инвентаря состоял в определении для каждого *непотревоженного* погребения одного из четырех «ансамблей» артефактов: *оружие, украшения, нейтральный и без инвентаря*. Этот подход вполне оправдал себя при анализе погребальных памятников с преимущественно индивидуальными погребениями при небольшой доле парных и коллективных, где очевидна принадлежность инвентаря [Лусу, 1997; Берсенева, 2010а]. Каждому погребению был «присвоен» свой «ансамбль» артефактов на основании комплекса вещей, содержащихся в могильной

яме. «Оружие» — при наличии предметов вооружения, «украшения» — при большом количестве украшений, но без оружия. «Нейтральный» означал гендерно-нейтральный инвентарь (посуда, кости животных, детали одежды и быта) при отсутствии предметов из первых двух наборов. «Без инвентаря» — погребения без сохранившегося инвентаря. За гендерно-стереотипные были приняты «ансамбли» артефактов «оружие» и «украшения». Для этого анализа были привлечены *все детские непотревоженные* погребения, в том числе не обработанные антропологами (86 погребений).

Рис. 2. Распределение «ансамблей артефактов» в погребениях индивидов до 15 лет

Из диаграммы (рис. 2) видно, что индивиды, умершие в возрасте до 15 лет, в подавляющем большинстве случаев (51 %) не сопровождалась гендерно-различительными предметами (например, оружием или значительным количеством украшений) либо погребались вообще без вещей (20 %). Только 29 % могил включали инвентарь, позволяющий предположить мужской или женский пол ребенка.

В тех случаях, в которых мы располагаем антропологическими определениями, такой инвентарь был положен с детьми старше 5 лет, исключения составляют лишь две могильные ямы. Напротив, 67 % детей, захороненных без инвентаря или в сопровождении гендерно-нейтральных предметов, умерли до достижения пятилетнего возраста.

Вышесказанное позволяет предположить, что дифференциальная социализация (т.е. различная для мальчиков и девочек) начиналась приблизительно в 5 лет, возможно, немного ранее. До этого возраста дети, по-видимому, воспринимались сообществом как гендерно-нейтральные существа, а лишь потом начинали воспитываться в рамках гендерных стереотипов.

Гендерный анализ («подростки», 15–18 лет)

К сожалению, выборка индивидов этого возраста оказалась крайне скромной и составила всего 18 погребенных из непотревоженных могильных ям. Рассмотрим распределение этих погребений по «ансамблям» артефактов (рис. 3).

Без сомнения, выводы, сделанные далее, нельзя принимать как абсолютные, однако слабую динамику роста доли погребений с гендерно-стереотипными наборами за счет уменьшения количества безынвентарных погребений все же можно уловить (с 29 до 33 %). Из четырех умерших, определенных как женщины, три сопровождаются ансамблем «украшения». Но в том единственном случае, в котором пол подростка был установлен как мужской, в могильной яме были обнаружены только кости мелкого рогатого скота и сосуд.

Перейдем к оборотной стороне гендерной социализации — возрастной. Когда дети становились взрослыми? Напомним, для анализа условно был выбран рубеж в 15 лет. Однако в традиционных обществах хронологический возраст не всегда соответствовал социальному, и вряд ли в бесписьменных обществах вообще велся счет годам [Бочаров, 2001, с. 49]. По данным из этнографии и истории определяется широкий интервал, в течение которого ребенок мог стать социально взрослым, но обычно это происходило не ранее 12 и редко — позднее 18 лет. Разобьем теперь материал еще на несколько групп: 1) дети до 5 лет (группа, возникшая на основе

Детские погребения ранних кочевников Южного Урала (IV–II вв. до н.э.)

анализа материала, см. выше); 2) от 6 до 11 и 3) от 12 до 18 (группы, выделенные условно). Здесь учитывались лишь неграбленные погребения с *антропологически установленным* возрастом.

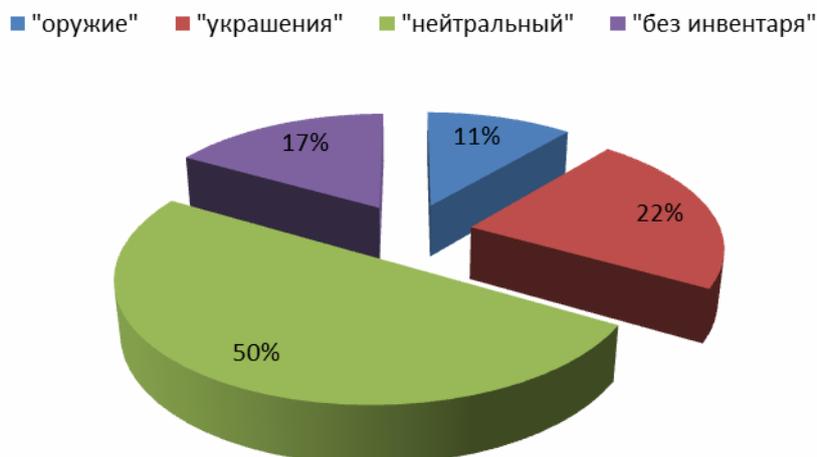

Рис. 3. Распределение «ансамблей» артефактов в погребениях индивидов от 15 до 18 лет

Дети до 5 лет (29 погребений) все похоронены либо с гендерно-нейтральным инвентарем (посуда, заупокойная пища, остатки украшений или костюма, амулеты (?)), либо вообще без него. Выявлено лишь два исключения. Погребение с тремя наконечниками стрел (возраст 1,5–2 года) было обнаружено в Бердянском V могильнике [Моргунова, Мещеряков, 1999]. В одном из курганов Прохоровки в могиле ребенка возрастом менее года находилось более 25 золотых полусферических бляшек, гагатовые и янтарные бусины [Яблонский, 2010, с. 20].

Дети от 6 до 11 лет включительно (16 погребений) — 9 из них (56 %) погребены с гендерно-стереотипными наборами, более типичными для взрослых мужчин и женщин. Однако почти половина детей этого возраста захоронены без инвентаря или в сопровождении гендерно-нейтральных вещей.

Индивиды от 12 до 18 лет (14 погребений). Как ни странно, но среди представителей этой более старшей возрастной группы количество погребений с гендерно-стереотипными наборами снизилось по сравнению с детьми от 5 до 11 лет: 7 могильных ям, что составило 50 %. Вторая половина — это соответственно погребения с нейтральным инвентарем или без него.

Полученные результаты заставляют думать, что в разделении последних двух групп мало смысла, и следует объединить всех индивидов от 5 до 18 лет в единую категорию. В этой группе 53,3 % захоронены с гендерно-стереотипными погребальными наборами. Для взрослых (после 18 лет) это количество составляет 67,5 %.

Обсуждение

Поскольку вещевыми маркерами взрослого возраста можно с уверенностью назвать лишь оружие и украшения в значительном количестве, то установить порог, когда в обществе ранних кочевников ребенок становился взрослым, можно лишь с некоторыми допущениями. Группа от 15 до 18 лет по инвентарным наборам и локализации погребений стоит ближе к детям, чем к взрослым, но она очень малочисленна, что может сказаться на достоверности выводов. Взрослые после 18 лет в большинстве погребены с гендерно-стереотипными наборами. Вероятно, ребенок достигал физической и социальной «взрослости» в это время, к 18 годам, или, для девочек, немного ранее (доля украшений в возрастной группе от 5 до 18 лет и после примерно одинакова). Наборов «украшения» в целом значительно больше, чем «оружия», как минимум вдвое (рис. 2, 3). Это говорит о том, что девочки в большинстве своем раньше начинали носить гендерно-различительные предметы и соответственно раньше приступали к исполнению взрослых гендерных ролей.

Второй вопрос, которым задавались авторы, начиная данное исследование,— можно ли по материалам могильников проследить социализацию детей в области получения ими хозяйственных навыков или военных знаний?

Дети часто вносят значительный вклад в экономическую деятельность сообществ. Этнографические источники демонстрируют, что детский труд играет серьезную роль в земледельческих и индустриальных обществах, несколько меньшую — в скотоводческих и еще меньшую — в охотничье-собираТЕЛЬСКИХ коллективах [Камп, 2001, р. 15–17]. В целом обязанности детей в той же степени зависят от гендерных различий, как и у взрослых. Но обычно дети обоих полов до 6–10 лет выполняют так называемую женскую работу — уборка, уход за младшими детьми, сбор топлива для очагов и т.д. При этом девочки практически никогда не выполняют хозяйственные обязанности, считающиеся «мужскими» [ibid., р. 16].

К сожалению, погребальные памятники раннесарматского времени не позволяют судить о вовлечении детей в экономическую сферу, так как орудия труда крайне редки и в погребениях взрослых кочевников, а в детских просто отсутствуют. Железные ножи и пряслица вряд ли могут быть причислены к этой категории, так как первые относились скорее к предметам быта — столовым приборам и находились, как правило, рядом с заупокойной пищей. Функция вторых в погребениях не вполне ясна и видится скорее символической, нежели отражающей род занятий или гендер погребенных [Берсенева, 2011, с. 87–90; Мошкова, 2012, с. 193].

Вопрос о приобщении детей к военному делу также довольно интересен. Можно ли рассматривать погребения с оружием как свидетельства этого процесса? К сожалению, в работах и древних, и современных исследователей кочевых скотоводов Евразии уделялось мало внимания темам детей и принципов их воспитания. Тем не менее известно, что в кочевых обществах подобные навыки прививались с раннего детства, как только физические возможности позволяли ребенку натянуть лук, удержаться на лошади или освоить приемы рукопашного боя. В книге Плано Карпини о монголах рассказывается, что «дети их, когда им два или три года от роду, сразу же начинают ездить верхом и управляют лошадьми, и скачут на них, и им дается лук сообразно их возрасту, и они учатся пускать стрелы, ибо они очень ловки, а также смелы» [1957].

Мы не можем точно сказать, с какого возраста дети в раннесарматскую эпоху обучались военному искусству и верховой езде, но нет оснований считать, что в этом отношении они серьезно отличались от детей средневековых кочевников. В обществе, ведущем подвижный образ жизни, навыки верховой езды должны были прививаться в самом раннем возрасте и поголовно всем детям. Владению оружием обучалось подавляющее большинство мальчиков и некоторые девочки, судя по количеству взрослых, похороненных с предметами вооружения (для прохоровского периода Южного Урала погребения с оружием составили 68,8 % от всех мужских и 20 % от всех женских [Берсенева, 2009]). В связи с этим предположение, что предметы вооружения маркировали гендер покойных детей (мальчиков) кажется приемлемым. Но крайне скромное количество детских погребений с оружием заставляет думать об исключительности таких случаев, продиктованных какими-то субъективными обстоятельствами, которые археология не в силах установить: особенностями личности умерших детей, их успехами или пристрастиями, желанием взрослых что-то передать в иной мир, а также множеством причин сентиментального характера.

Выводы

Можно констатировать тот факт, что в обществах ранних кочевников Южного Урала IV–II вв. до н.э. дети погребались в одной манере с взрослыми, но в сопровождении более скудного, как правило, инвентаря. Кости животных, сосуды и украшения являются наиболее частыми находками в прохоровских детских погребениях разных возрастных групп. Для детей часто сооружались глубокие и сложные по устройству могилы, но периферийные по локализации. В качестве заупокойной пищи в погребения индивидов до 18 лет клался *всегда* только мелкий рогатый скот, тогда, как у взрослых иногда (впрочем, редко) присутствует лошадь. Несмотря на высокий уровень смертности, дети подвергались бережному обращению, следовательно, были ценны для общества.

Все ли умершие дети погребались в курганах? Вероятно, погребение детей было прежде всего внутрисемейным делом, сентиментальные аспекты играли здесь мощную роль. Кроме того, в условиях мобильного образа жизни не всегда представлялась возможность похоронить ребенка на родовом кладбище или вообще в кургане: детская смерть была частым явлением.

Детские погребения ранних кочевников Южного Урала (IV–II вв. до н.э.)

Тем не менее наличие такого значительного детского контингента среди курганной «популяции» позволяет реконструировать некоторые стороны социальной жизни детей, равно как и отношение общества к ним.

Наше исследование позволило выделить две социально-значимые возрастные группы незрелых: от 0 до 5 и от 5 до 18 лет. Первая характеризуется абсолютным преобладанием гендерно-нейтрального сопроводительного инвентаря. Вторая группа отражает процесс гендерной и возрастной социализации. Гендерная дифференциальная социализация начиналась, вероятно, в возрасте около 5 лет. В современной социологии порог начала гендерной социализации в 3 года считается нормальным [Берн, 2007, с. 48]. Именно в этом возрасте дети начинают с уверенностью относить себя к определенному гендеру. С этого момента в раннесарматское время более половины детей сопровождаются гендерно-стереотипными наборами (56 %). Но в возрастной группе от 5 до 18 лет *отсутствует* динамика увеличения доли гендерно-стереотипных наборов от младших возрастов к старшим, хотя их физические возможности очевидно были разными. В этом случае гендерно-стереотипный инвентарь в детских погребениях можно скорее посчитать маркером гендера или вертикального социального статуса, а не возраста или зрелости. Процесс вовлечения детей в виды деятельности, требующие применения оружия, вообще крайне скудно отражен в погребальном источнике.

Предложенное исследование, как представляется, показало принципиальную возможность изучения социализации детей по археологическим данным. Судя по всему, этот процесс завершался к 15–18 годам формированием взрослого индивида, тем самым обеспечивая преемственность социальных норм, военных навыков и хозяйственных умений и, в конечном счете, жизнеспособность социального организма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
- Байбурун А.К. Обрядовые формы половой идентификации детей // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб.: Наука, 1991. С. 258–261.
- Берн Ш. Гендерная психология: Законы мужского и женского поведения. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. 318 с.
- Берсенева Н.А. Археология возрастных групп: проблемы и перспективы изучения // Этноистория и археология Северной Евразии: Теория, методология и практика исследования. Иркутск; Эдмонтон: ИрГТУ, 2007. С. 264–268.
- Берсенева Н.А. К вопросу о сходстве «модели» погребальной обрядности степных и лесостепных культур Урала и Западной Сибири в эпоху раннего железа // Этнические взаимодействия на Южном Урале, Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2009. С. 110–113.
- Берсенева Н.А. Погребальные памятники саргатской культуры Среднего Прииртышья: Гендерный анализ // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (43). 2010а. С. 72–81.
- Берсенева Н.А. Социализация детей как одно из направлений социокультурной адаптации в древних обществах // Урал. ист. вестн. № 2 (27). 2010б. С. 38–54.
- Берсенева Н.А. Социальная археология: Возраст, гендер и статус в погребениях саргатской культуры. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 214 с.
- Бочаров В.В. Антропология возраста. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. 196 с.
- Епимахов А.В., Берсенева Н.А., Пантелеева С.Е. Миниатюрные сосуды поселения Каменный Амбар // Урал. ист. вестн. 2012. № 4. С. 66–73.
- Дашковский П.К., Тишкин А.А. Горный Алтай в скифскую эпоху // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. С. 82–109.
- Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.) М.: Вост. лит., 2006. 159 с.
- Гуцалов С.Ю. Погребальные сооружения могильника Кырык-Оба II в Западном Казахстане // РА. 2010. № 2. С. 51–66.
- Карпини П.А. История монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Пер. А.И. Малеина. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957.
- Краева Л.А. Памятники раннего железного века из западного Оренбуржья // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: Печатный Дом «Димур», 1999. Вып. 3.
- Куприянова Е.В. Тень женщины: Женский костюм эпохи бронзы как «текст»: (По материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск: Авто Граф, 2008. 244 с.
- Курганы левобережного Илека. Вып. 1. М.: ИА РАН, 1993. 128 с.
- Курганы левобережного Илека. Вып. 2. М.: ИА РАН, 1994. 182 с.

Н.А. Берсенева, А.Х. Гильмитдинова

- Курганы* левобережного Илека. Вып. 3. М.: ИА РАН, 1995. 175 с.
Курганы левобережного Илека. Вып. 4. М.: ИА РАН, 1996. 152 с.
Моргунова Н.Л., Мещеряков Д.В. «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: Печатный Дом «Димур», 1999. Вып. 3. С. 124–147.
Матвеева Н.П. Саргатская культура Западной Сибири // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск: Изд-во ИргТУ, 2005. С. 129–151.
Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А. и др. Шумаевские курганы. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2003. 392 с.
Морозов Ю.А., Чаплыгин М.С. Новый памятник раннесарматской культуры в Южном Приуралье // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа: Гилем, 2006. С. 141–145.
Мошкова М.Г. О назначении пряслиц в погребениях мужчин // Евразия в скифо-сарматское время: Памяти И.И. Гузиной. М., 2012. С. 189–194 (Тр. ГИМ; Вып. 191).
Мышкин В.Н., Скарбовенко В. А., Хохлов А.А. Сарматские курганы у с. Гвардейцы // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: Печатный Дом «Димур», 1999. Вып. 3. С. 147–175.
Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. 198 с.
Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А. Денисовой. М., 2002.
Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. 175 с.
Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В. Доследование курганного могильника у д. Прохоровка // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Оренбург: ОГПУ, 2008. С. 177–205.
Яблонский Л.Т. Прохоровка: У истоков сарматской археологии. М.: ТАУС, 2010. 284 с.
Bagwell E. Ceramic form and skill. Attempting to identify child producers at Pecos Pueblo, New Mexico // Children in the Prehistoric Puebloan Southwest. Salt Lake City: Univ. of Utah Press, 2002. P. 90–107.
Baxter J. E. The archaeology of Childhood: Children, Gender, and Material Culture. Walnut Creek: AltaMira Press, 2005. 139 p.
Crawford S. and Lewis C. Childhood Studies and the Society for the Study of Childhood in the Past // Childhood in the Past. 2008. Vol. 1. P. 5–16.
Chamberlain A. T. Demography in Archaeology. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006.
Hodder I. Commentary: The gender screen // Invisible People and Processes: Writing Gender and Childhood into European Archaeology. L.; N. Y.: Leicester Univ. Press, 1997. P. 75–80.
Kamp K. A. Where Have All the Children Gone? The Archaeology of Childhood // Journ. of Archaeological Method and Theory. 2001. 8. P. 1–33.
Lucy S. J. Housewives, warrior and slaves? Sex and gender in Anglo-Saxon burials // Invisible People and Processes: Writing Gender and Childhood into European Archaeology. L.; N. Y.: Leicester Univ. Press, 1997. P. 150–168.
Lucy S. J. The Archaeology of Age // The Archaeology of Identity. Approaches to Gender, Age, Status, Ethnicity and Religion. L.: Routledge, 2005. P. 43–66.
Scott E. The Archaeology of Infancy and Infant Death. BAR Intern. Ser. 819. 1999. 136 p.

Челябинск, Южно-Уральский филиал ИИА УрО РАН
bersnatasha@mail.ru
Южно-Уральский государственный университет
melnichuk.alina@mail.ru

The article is devoted to children's burials of early nomads from South Urals (IV–II cc. B.C.). The suggested investigation showed a principal opportunity to study socialization of children, basing on archaeological data. The absolute majority of children's burials under five years of age being gender-neutral in terms of burial inventory. A process of involving children into activities claiming weapon's use was extremely poorly reflected in this burial source. Gender socialization probably started at 3–5 years of age. To all appearances, the process was completed by 15–18 years of age by formation of an adult individual.

Early Iron Age, South Urals, children's burials, socialization of children.